

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЕЛОРУССКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с позицией белорусских православных священнослужителей по отношению к революции 1905–1907 гг., описывается участие православного духовенства в Предсоборном присутствии, открывшемся в 1906 г. и являвшемся в планах правительства рычагом укрепления самодержавия, а также рычагом усиления его идеологического влияния на народ. Кроме того, в данной статье изучаются роль и место белорусских православных священнослужителей в двух избирательных кампаниях в I и II Государственную думу, раскрываются некоторые причины массовых отпадений от православия, в результате чего были ослаблены позиции церкви в борьбе с революционным движением. Такими причинами были устаревшая церковная идеология, обострившийся внутрицерковный кризис, а также распространение социал-демократического учения.

Введение

Как известно, в начале XX в. белорусские земли входили в состав Российской империи и состояли из пяти губерний: Минской, Витебской, Виленской, Гродненской и Могилевской. В этих губерниях существовало, соответственно, пять епархий: Минская, Полоцко-Витебская, Литовско-Виленская, Гродненская и Могилевская.

Накануне революции 1905–1907 гг. православная церковь являлась серьезной политической силой, хотя влияние это уже постепенно начинало ослабевать. Актуальным в наши дни остается вопрос, по каким же причинам в революционные годы влияние православной церкви заметно ослабевало, и какова была позиция белорусских православных священнослужителей по отношению к самодержавию с одной стороны, и разжигателям революции с другой.

Учитывая слабую разработанность темы, касающейся контрреволюционной деятельности белорусских православных священнослужителей в 1905–1907 гг., была поставлена цель исследования – системно рассмотреть вопросы, связанные с позицией белорусских православных священнослужителей по отношению к революции 1905–1907 гг.; описать участие православного духовенства в Предсоборном присутствии, а также двух избирательных кампаниях в I и II Государственную думу; раскрыть причины массовых отпадений от православия в рассматриваемый период.

В борьбе с революционным движением

Расстрел 9 января 1905 г. подорвал веру в царскую справедливость, а “гром январских выстрелов всколыхнул многомиллионные массы трудящихся, разбудил народный гнев и послужил началом народной революции” [1, с. 70]. События “кровавого воскресенья” получили отклик и во многих белорусских городах.

В борьбу с начавшейся революцией включился весь аппарат царской власти. В “Определении Святейшего Синода к православной пастве Российской империи по поводу революционных событий от 14 января 1905 г.” “кровавое воскресенье” было названо “новым испытанием Божьим”. Виновниками “беспорядков” Синод объявлял “злонамеренные элементы”, имевшие “в своей среде недостойного священнослужителя, дерзновенно поправшего святые обеты и ныне подлежащего суду церкви”. “Врагам нашим, – развивали свою версию синодальные архиереи, – нужно расшатать твердыни наши – веру православную и самодержавную власть царскую. Ими Россия жива, на них возросла и окрепла и без них погибнет”. Далее следовали призывы к духовенству и пастве, в которых Синод обращается с просьбой сохранить порядок и “всякой власти от Бога поставленной повиноваться и содействовать по мере возможностей общественному успокоению” [2]. В белорусских епархиях православная церковь по отношению к революции придерживалась проправительственного консервативного курса. Архиереи не только давали благословение правительственным распоряжениям и указам, но и предпринимали собственные практические меры по борьбе с революционным движением, с влиянием левых идей, стараясь не допустить увлечения ими верующих [3, с. 59]. Таким образом, православная церковь заявляла о том, что она на стороне правительства.

С самого начала революции 1905–1907 гг. выявилось, что церковная идеология устарела, а ее влияние на народ значительно ослабло. Уже тогда многие деятели церкви понимали, что усиление влияния церкви и ее “объединительных” возможностей не может произойти без внутренней перестройки самой церкви. Это поставило вопрос о церковных реформах. Движение, начавшееся среди духовенства, проходило под лозунгом восстановления “соборности”. Но тесная связь церкви с самодержавием лишь усиливала внутренний кризис церкви, выражавшийся в массовых отпадениях от православия и переходе в другие вероисповедания, что являлось причиной ослабления позиций церкви в борьбе с революционным движением. В отличие от внутренних губерний России, в Беларуси проживало большое количество католиков, протестантов и иудеев. В Полоцкой и Могилевской епархиях было много староверов. Получив разрешение переходить в другие конфессии после издания указа “О веротерпимости” (17 апреля 1905 г.), часть населения воспользовалась этим правом. Особенно массовым был переход в католицизм. В Виленской, Витебской, Гродненской, Могилевской и Минской губерниях только по официальным данным перешло из православия в католицизм на протяжении 1905–1906 гг. 46503 человека [4, с. 37].

Отход от церкви народных масс особенно ощутимо проявлялся в крупных городах. Гораздо медленнее этот процесс протекал в деревне. Это было связано с тем, что, даже находясь в условиях глубокого кризиса, церковь еще сохраняла большую притягательную силу. Играли свою роль темнота и забитость народных масс, особенно крестьянства, сказывалась историческая традиция: православие было “привычным”, т. к. оно являлось “религией отцов и дедов” [5, с. 40].

Осенью 1905 г. под натиском революции правительство было вынуждено сделать некоторые уступки: 17 октября был опубликован манифест, в кото-

ром содержались обещания созвать законодательную Думу и ввести режим гражданских свобод. Предстоящий созыв Думы служил тактическим средством в пропаганде против революции. Духовенство, в свою очередь, пыталось внушить крестьянству надежды на Думу и склонить его к пассивному ожиданию. Все это отвечало целям самодержавия на начальном этапе революции.

Закон о выборах в Государственную думу открывал перед духовенством широкие возможности для участия в законодательной деятельности и политической борьбе. Но, несмотря на эти уступки, в рядах духовенства, в том числе и высшего, нарастало недовольство политикой правительства, особенно из-за задержки созыва Поместного собора. Высшее духовенство понимало, что в условиях буржуазно-конституционной системы православие вряд ли сохранит значение господствующей религии, и тогда церковь лишится ряда нынешних ее привилегий. Поэтому основная часть духовенства белорусских епархий выступала за сохранение самодержавия в его почти неограниченном виде. В условиях начавшейся революции 1905–1907 гг. церковь еще более скрепляла этот союз, противопоставляя свое учение социал-демократическому.

Постепенно представители православного духовенства все более активно поддерживали проправительственные партии и участвовали в их деятельности. В белорусских епархиях именно чиновничество и клир составляли основу социальной базы монархического движения. Наиболее крупной и влиятельной монархической организацией на территории белорусских земель был «Союз Русского Народа» (СРН), деятельность которого велась под лозунгом «Православие. Самодержавие. Народность». Важную роль в деятельности этой партии играло православное духовенство. Нередкими были случаи, когда священники являлись руководителями местных отделений этой партии, и было достаточно указания священника, чтобы вся деревня присоединилась к СРН [3, с. 59; 6, с. 15]. Духовенство белорусских епархий и само вступало в организации монархической направленности. Так, могилевское городское духовенство решило примкнуть к монархической партии и направило своего выборного в Москву для «ознакомления с силами, организацией и программой монархистов». При Могилевском Богоявленском братстве был создан «Союз русских людей» [7, с. 17]. К монархическому лагерю также примкнули православные западно-русские братства. Например, на агитацию и распространение печатных листовок СРН в Могилевской губернии поступали средства от Могилевского Богоявленского братства. В январе – феврале 1906 г. Виленское Свято-Духовское братство значительно увеличило количество новых отделений партии в уездах. Открывая новые церковные школы, читальни, организовывая религиозные чтения, братства присоединялись к защите православия и «истинно русских» интересов в крае [3, с. 59, 60; 6, с. 16].

Духовные лица участвовали в СРН и родственных ему черносотенных организациях. В 1906 г. эти связи стали еще более тесными, хотя, нельзя не отметить тот факт, что у церковного руководства были и разногласия с этими партиями. Прежде всего, большинство иерархов не одобряло обвинений черносотенцев в адрес правительства, хотя и иерархи имели к нему свои счеты. Кроме того, черносотенные организации активно добивались усиления своего влияния в церкви и подчинения ее своему руководству. Светские и духовные черносотенцы подрывали церковную дисциплину, компрометировали ее в глазах верующих. Церковные верхи, в свою очередь, не желая подчиняться «союзникам», сами

выдвигали им свои требования. И все же “с середины 1906 г. стало наблюдаться медленное и не всегда последовательное сближение официальных церковников с черносотенными организациями” [8, с. 422]. Сближение это происходило за счет общего “сдвига вправо” всей иерархии и основной массы рядового духовенства. Этот сдвиг был связан, прежде всего, с неудачами церкви в борьбе с революцией.

Участие белорусского православного духовенства в Предсоборном присутствии и двух избирательных кампаниях в I и II Государственную думу

В 1906 г. правительство пошло на удовлетворение некоторых требований высшей иерархии. В реформированный Государственный совет были введены представители православного духовенства, создано Предсоборное присутствие, с помощью которого правительство намеревалось укрепить самодержавие и усилить его идеологическое влияние на народ. Несмотря на различие позиций, всех членов Присутствия объединяло стремление вести борьбу с продолжавшейся революцией при помощи влияния православной церкви. Епископ могилевский Стефан перед началом молебствия по случаю открытия Присутствия 8 марта 1906 г. заявил, выражая общее мнение собравшихся: “Призовём благословение божие на наступающее наше мужество... на предстоящую святой церкви нашей борьбу с развязанными теперь силами ада” [5, с. 176].

30 мая 1906 г. первый отдел Присутствия приступил к обсуждению важнейшего пункта своей программы – вопроса об отношении церкви к государству. Этот вопрос рассматривался в двух аспектах: церковь и Дума, церковь и император. “Прежде церковь имела дела с православным царем, теперь подле православного царя встала неправославная Дума”, которая “вошла уже в явный конфликт с царем, ...несомненно, что она вступит в конфликт и с церковью”, – заявлял один из членов Присутствия [4, с. 181]. В связи с этим главный вопрос отдела присутствия был сведен к тому, чтобы оградить православную церковь от “неправославной” Думы. Предсоборное присутствие, всецело приняв сторону самодержавия, так и не смогло выработать новых форм борьбы с революцией и новых способов укрепления авторитета православной церкви.

По мнению представителей высших духовных властей, уважение к существующей государственной власти и государственному строю неразрывно связано со священным саном. Так, в феврале 1906 г. Синодом было разослано циркулярное письмо, в котором перед священниками ставилась задача сохранить и защитить царскую власть, т. е. “принять меры для выборов в Думу монархистов и черносотенцев” [3, с. 60; 6, с. 30]. Духовенство, в свою очередь, стремясь добиться успеха на выборах и намереваясь склонить основную массу избирателей на свою сторону, нередко пыталось разобщить избирателей по национально-религиозному признаку для того, чтобы сгладить деление по социальному и политическому признакам.

Роль белорусского православного духовенства в избирательной кампании в I Государственную думу была незначительной. Это было связано с неумением большинства священников вести политическую агитацию, отсутствием в епархиях координационного центра, который мог бы направлять политическую деятельность священников в единое русло. Борьба с революционным движением на политическом и партийном уровнях вызвала затруднения у большинства представителей духовенства, поскольку они столкнулись с новым для себя явлением политической агитации, которая требовала наличия определенных умений и

знаний недуховного парадка. Не было согласованности и среди самого духовенства [3, с. 62, 63]. 15 марта 1906 г. в “Минских епархиальных ведомостях” была напечатана статья протоирея Иосифа Железняковича, где констатировалось отсутствие у духовенства общей политической программы, содержащей ответы на злободневные вопросы, волнующие прихожан. Также там было отмечено разединение и пассивность священников. В связи с этим Железнякович предлагал им “присоединиться к союзным партиям истинно русских людей” [3, с. 60; 9, с. 94–99].

В 1906–1907 гг. духовенство вступило на путь расширения своей контрреволюционной пропаганды. Особенно отчетливо это проявилось в середине 1906 г., после роспуска I Думы и в связи с резким обострением обстановки в стране. Главным организатором направленной против революции пропагандистской кампании по-прежнему оставался Синод [8, с. 416].

На выборах во II Думу основная часть белорусского духовенства активно проводила агитацию в пользу правых партий, стараясь вместе с тем провести как можно больше своих кандидатов. В предвыборной борьбе во II Думу продолжали активно участвовать и православные братства. В частности, активную деятельность вело новое Софийское православное братство, руководитель которого епископ гродненский и брестский Михаил стремился к созданию православных братств “на демократических принципах” при всех церквях губернии. Собрания, на которых решались вопросы, как русским выборщикам проводить избирательную кампанию, прошли в Минске, Витебске и других городах [3, с. 61; 6, с. 47]. В результате организованного участия духовенства, в том числе консолидированного выступления старообрядческих обществ, во второй избирательной кампании (поддержка монархического лагеря, разоблачение с позиций христианского учения идей и методов политической борьбы революционеров, организация собрания избирателей и т. д.), октябристско-черносотенный блок одержал победу на выборах [3, с. 63; 10, с. 149].

Однако открывшаяся в феврале 1907 г. II Государственная дума оказалась еще более левой, чем первая, и не хотела идти ни на какие уступки правительству [3, с. 62]. Избранные в Думу крестьяне выступили с единым требованием ликвидации помещичьей, церковной и монастырской земли, а черносотенцы и помещики, в свою очередь, единодушно призывали правительство разогнать Думу. Православное духовенство также высказало свой протест и заявило, что “Дума вторгается в такую сокровенную область, как религия, и разоряет духовенство” [5, с. 169]. Епископ минский Михаил разослал телеграммы по своей епархии в связи с возможным роспуском Думы следующего содержания: “Объединяйтесь, русские люди, объединяйтесь, священники, готовьтесь дать отпор волкам в овечьей шкуре, которые называют себя прогрессивными людьми и стремятся прорваться к власти и хозяйничать в стране ради собственной выгоды” [3, с. 62; 6, с. 70]. 3-го июня 1907 г. Николай II досрочно распустил II Государственную думу.

Таким образом, две избирательные кампании показали дальнейшее падение авторитета православной церкви, постепенно утрачивающей свое влияние на самые широкие слои народа. В ходе революционной борьбы “был нанесен смертельный удар преждему доверию народных масс к церкви” [11, с. 214–215]. Стало очевидно, что религиозность “простого народа” весьма шатка и что антирелигиозная пропаганда в их среде, как правило, соединялась с антиправительственной пропагандой [12, с. 136].

Контрреволюционная¹ позиция православного духовенства церкви объясняется неприятием лозунгов и программных целей революционеров, которые собирались решить аграрный вопрос за счет земельных владений монастырей и защищали враждебные церкви позиции [13, с. 62].

Т.П. Короткая пишет о том, как осмысливал и оценивал значение Первой российской революции преподаватель Минской духовной семинарии, сотрудник, а затем редактор “Минских епархиальных ведомостей” Д.В. Скрынченко: “Стремление народных масс к новой жизни через революционную борьбу против устоев старого общества он рассматривал как сплошь разрушительную силу, лишённую положительного, созидательного и жизнеутверждающего смысла”. Она пишет, что, по мнению Д.В. Скрынченко, революционные события, рост идей светомыслия и атеизма – свидетельство упадка нравов, которые приводят к извращению нравственных норм и принципов, к обесцениванию жизненных помыслов и устремлений людей [14, с. 59].

¹ М.А. Бабкин в одной из своих статей пишет о том, что в советской историографии господствовала точка зрения об однозначно контрреволюционной направленности политики, проводимой представителями высшей иерархии РПЦ и, в частности, членами Св. Синода в 1905–1907 гг. В современной светской литературе, по его мнению, наряду с прежним тезисом утвердилось положение о “взвешенной” политике Св. Синода в период Первой российской революции. Содержание “Записки, составленной по постановлению объединенного собрания Советов и Комитетов Киевских Монархических партий и союзов” под названием “Об отношении Святейшего Правительствующего Синода к современной смуте”, приведенной в статье автором в полном объеме, ставит под вопрос оба упомянутых тезиса. Из текста данной “Записки” приведем некоторые выдержки в подтверждение наличия двух тезисов, о которых пишет М.А. Бабкин: “...Святейший Синод, 22 октября 1905 г. спешно, без обсуждения дела в общем собрании... постановил определение. Святейший Синод усмотрел в поучении “призыв населения к самозащите в области политических убеждений”, что и послужило причиной междоусобного раздора среди населения. По этому поводу духовенство приглашается поучать население “действовать в духе христианского всенародного братолюбия”. В приведенном определении нет ни единого слова разъяснения священникам того, что происходит... о врагах – революционерах отселе пастырям запрещается говорить. Их деяния, как бы злы и жестоки они ни были, отныне не подлежат обсуждению. Святейший Синод словно берет революционеров под свою защиту... Созерцая великую трагедию религиозно-национальной борьбы, начатой революционерами-космополитами, Святейший Синод, как бы считая поход революционеров вполне естественным, заботиться лишь о том, чтобы внушением “всенародного братолюбия” и любви “к людям чуждым святой веры нашей”, устранить взаимные столкновения среди населения, как бы забывая о том, что революционеры, деятельность которых осталась без оценки со стороны Синода, тем самым получили поддержку со стороны этого высокого Церковного учреждения для распространения и осуществления на деле их разрушительных лжеучений. Принятая Святейшим Синодом с самого начала смуты точка зрения – молчать о революционерах и порицать, и бороться лишь с противниками их – повтыла на многотысячное духовенство, которое молчало о революционерах: огромное большинство потому, что само не понимало, что происходит...; более же чуткое меньшинство, за редкими исключениями, уstraшенное указами Святейшего Синода, боялось разъяснять народу значения революции и ее вдохновителей и борцов. Но рядом с этим существовало еще и такое революционное меньшинство духовенства, которое нагло призывало народ вступить в ряды революционеров... И народ и духовенство были опуганы ложью, при гробовом молчании Святейшего Синода... В значительной степени изменилось отношение Святейшего Синода к смуте с 31 августа 1906 г. Письмо первоприсутствующего члена Святейшего Синода, Высокопреосвященного Антония, митрополита С[анкт]-Петербургского, к епархиальным преосвященным, писанное им от имени Святейшего Синода, исполнено глубокого самобичевания. Высокопреосвященный автор говорит: “Пройдет временное ослепление, успокоится взволнованное народное море, и русский народ спросит нас: где были в годину смуты вы, по слову которых в древние времена Русь останавливала полчища нечестивых?”. В этом акте Святейший Синод впервые после целого года ужасной смуты, в виду предстоящих выборов во вторую Государственную думу, призывал духовенство к борьбе (нравственной) с врагами Церкви и Государства... С 31 августа 1906 г. Святейший Синод сам призывает к борьбе с врагами Церкви и Государства...” [12, с. 57, 58, 59, 62].

Заклучение

Таким образом, основная часть белорусских православных священнослужителей, ранее прочно связав себя с существующей государственной системой, в своих взглядах и суждениях полностью оставалась на стороне самодержавия, несмотря на некоторое недовольство, связанное с задержкой решения правительством созыва Поместного собора. На территории белорусских губерний церковь использовала различные методы для отвлечения народных масс от революции. Однако по причине устаревшей церковной идеологии, обострившегося внутрицерковного кризиса и распространения социал-демократического учения, влияние православной церкви на народные массы постепенно ослабевало, что выразилось в массовых отпадениях от православия в годы революции 1905–1907 гг. Избирательные кампании в Думу не прибавили церкви авторитетности, а созданное в 1906 г. Предсоборное присутствие, приняв сторону самодержавия, не смогло выработать новых форм борьбы с революцией и новых способов влияния церкви на народ. Поэтому, несмотря на то, что царизм и православное духовенство выступали неизменными союзниками в борьбе с революционным движением, в период 1905–1907 гг. в их отношениях обозначился кризис, явившийся отражением общего кризиса самодержавной системы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Грекулов, Е.Ф.** Церковь, самодержавие, народ (вторая половина XIX – начало XX вв.) / Е.Ф. Грекулов. – М. : Наука, 1969. – 184 с.
2. Определение Святейшего Синода к православной пастве Империи по поводу революционных событий от 14 января 1905 г. // Минские епархиальные ведомости. – 1905. – № 1. – С. 1–4.
3. **Биндарев, А.** Православное духовенство в общественно-политической жизни Беларуси в годы Первой российской революции / А. Биндарев // Гісторыя: праблемы выкладання. Серыя “У дапамогу педагогу”. – 2008. – № 1. – С. 58–63.
4. **Восович, С.М.** Изменение территориально-административной структуры Русской православной церкви в Беларуси в 1861–1914 гг. / С.М. Восович // Веснік МДПУ імя І.П. Шамякіна. – 2008. – № 2. – С. 36–39.
5. **Зырянов, П.Н.** Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. / П.Н. Зырянов ; отв. ред. А.И. Клибанов. – М. : Наука, 1984. – 224 с.
6. **Забаўскі, М.М.** Расійская Дзяржаўная дума ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі (1906–1917 гг.) / М.М. Забаўскі. – Мінск : БДПУ, 1999. – 212 с.
7. **Опиок, Т.В.** “Могилевские епархиальные ведомости” о событиях 1905 года в России / Т.В. Опиок // Веснік МДУ імя А.А. Кулешова. – 2005. – № 2-3. – С. 13–18.
8. Русское православие: веки истории / научн. ред. А.И. Клибанов. – М. : Политиздат, 1989. – 719 с.
9. **Епископ Сергей.** К вопросу о веротерпимости / епископ Сергей // Гродненские епархиальные ведомости. – 1905. – № 5. – С. 94–99.
10. **Лавринович, Д.С.** Участие старообрядцев в монархическом движении на территории Беларуси (1905–1907 годы) / Д.С. Лавринович // Старообрядчество как историко-культурный феномен : материалы Международной научно-практической конференции “Старообрядчество как историко-культурный феномен” (Гомель, 27–28 февраля 2003 г.). – Гомель : ГГУ, 2003. – С. 148–150.
11. **Корзун, М.С.** Русская православная церковь на службе эксплуататорских классов. X в. – 1917 г. / М.С. Корзун. – Минск : Беларусь, 1984. – 255 с.
12. **Фирсов, С.Л.** Церковь в Империи: очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II: документы, воспоминания, свидетельства / Сергей Фирсов. – Санкт-Петербург : Сатисъ, 2007. – 462 с.

13. *Бабкин, М.А.* Монархисты Киева о политической позиции Святейшего Синода Русской православной церкви, 1905–1907 гг. / М.А. Бабкин // Вопросы истории. – 2007. – № 8. – С. 53–64.
14. *Короткая, Т.П.* Религиозная философия в Белоруссии начала XX века : критич. анализ / под ред. Е.С. Прокошиной. – Минск : Наука и техника, 1983. – 108 с.

Поступила в редакцию 13.11.2013 г.